

Виктор Третьяков и Вячеслав Иванов: ось Рига — Рим¹

В начале июля 1937 г. из Риги в Рим через посредницу² было отправлено письмо следующего содержания:

Глубокоуважаемый Мэтр и Профессор!

С радостью прочел Ваши великолепные «Римские сонеты»³.

Свыше 15-ти лет звук Вашей поэзии — столь необходимый поэтам — не долетал к нам. Последними были Ваши «Зимние сонеты», напечатанные в московском журнале, кажется, в 1920 году⁴. Думается, что Вам надлежит и теперь руководить нашей поэзией. Хотя бы заочно: она, бедная, бродит ощупью, как слепая. Не слышно ободряющего и авторитетного голоса.

Взял на себя смелость послать Вам свой сборник стихов, изданный в 1930 году⁵, а сейчас присоединяю несколько стихотворений, написанных уже после выхода этой книжки. Печататься начал еще в России, но участие в войне и годы революции надолго затормозили мою литературную работу и помешали чаще появляться в журналах и сборниках: это были сперва киевские издания⁶. Впрочем, печататься как-то и не стремился, ибо редакций опасался и только при случае показывал свои опыты старшим поэтам — их видели А. А. Блок, Н. С. Гумилев, М. Кузмин и другие (уже в революционные годы)⁷. К большому сожалению, Вас уже не было в Петербурге.

Отношу себя к поэтам довоенным, ибо и формой и настроением связан с эпохой русского символизма — первыми моими руководителями были «Весы» и «Аполлон» (в гимназические годы).

На обороте найдете стихи, посвященные Вам — отклик на Ваши римские стихи, появление которых считаю событием в нашей поэзии. Был бы счастлив получить несколько Ваших строк о моих писаниях⁸. С глубочайшей преданностью и уважением, В. Третьяков.⁹

Постреволюционный петроградский период (1918—1920 гг.) завершился для В. Третьякова переездом в Ригу и той же осенью в русской рижской периодике начинают появляться его публикации:

«Едва прошло две недели с тех пор, как я покинул Петроград, а уже забываются остроты переживаний. Петроград судорожный, полуголод-

ный, бумажный, по-прежнему город-призрак, лишь как темный символ безвременья встает»¹⁰.

Далее Третьяков пишет о «Доме искусств», о «Союзе поэтов», членом которого состоял, называя его «возрожденный Цех Поэтов»; о лекции Корнея Чуковского «Две России (Анна Ахматова и Маяковский)», отмечает выход книги Блока «За гранью прежних дней». Особо останавливается на 15-летнем литературном юбилее Михаила Кузмина, которому посвящает стихотворение «Вечер», позднее вошедшее в его поэтический сборник «Солнцерой». В том же «петроградском письме» речь шла и о том, что умножаются в городе-призраке литературные студии, более подробно о выступлении Всеволода Рождественского, Ирины Одоевцевой, Георгия Иванова, о «белорусской» поэме Николая Оцупа «Александрина»¹¹.

Так, начиная с этой публикации, Третьяков достаточно часто пишет о «поэтических течениях в России», об Институте истории искусств, о художественных выставках, о первом поэзоконцерте Игоря Северянина, о рижской выставке русских художников, о неизвестных стихотворениях А. Блока, о гибели Гумилева, о его посмертных книгах. И одновременно идут частотным потоком публикации о латышском изобразительном искусстве, о латышской литературе. Третьяков много переводит, отчасти касается литературных контактов русских и латышских поэтов. Он достаточно плодотворно сотрудничает в латышских художественных изданиях и воспринимается латышскими литераторами как выученик русского символизма, а не акмеизма, как часто его квалифицируют русские современники.

Так, латышская поэтесса, прозаик и эссеистка Эльза Стерсте (кстати, подруга Надежды Павлович), в рецензии на книгу «Солнцерой», характеризует Третьякова так:

«Виктор Третьяков принадлежит к тому кругу русских поэтов, которые пленяли изысканностью поэтической мысли и четкостью формы. Певец Прекрасной Дамы Александр Блок, мастер слова Андрей Белый, мудрый Вячеслав Иванов, незабвенные «Весы», «Аполлон», — вот лучшая часть того, что искусство некогда давало в «Северной Пальмире». Выброшенный войной из этого центра, В. Третьяков не потерял живой нити, которая его связывала с группой петроградских символистов;

«Солнцерай» снова свидетельствует о том, что он свято хранит их традиции»¹².

Здесь, хотя и не впервые, но более акцентно были соотнесены имена Вячеслава Иванова и Виктора Третьякова, а также подчеркнута преемственная связь (о чем позже сам Третьяков напишет в письме к мэтру) с символистской школой, с ивановской традицией.

Латышская рецепция здесь, несомненно, важна и в плане переводческого контекста (Вячеслав Иванов в «Сборнике латышской литературы» 1916 г. перевел стихи Алунана и Аспази), а В. Третьяков в сознании современных ему латышских литераторов был продолжателем переводческого дела, активным просветителем русского читателя в латышской культуре и, в то же время, «рижским петербуржцем» по своей поэтической генеалогии¹³. Публикации Третьякова о литературной жизни Москвы и Петербурга-Петрограда 1910-х гг. разнообразны и определенно тяготеют к «соцветью» значимых имен: А. Блок, Н. Гумилев, Анна Ахматова, футуристы, А. Белый, М. Кузмин, К. Балмонт, В. Ходасевич, М. Волошин и др.; несмотря на тематическую пестроту и очерковую мемуарность, они все же более всего фокусируются вокруг антитезы Блок — Гумилев. Ассоциативно значимо, что имя Вячеслава Иванова отчасти обусловлено блоковской аурой первого знакомства: А. Блок при упоминании Третьяковым киевского альманаха «Гермес» вспоминает своего корреспондента, поэта и переводчика, В. Н. Маккавейского, который опубликовал в нем на французском языке свои переводы стихотворений А. Блока и Вяч. Иванова¹⁴.

Существует, по крайней мере, один очерк, петербургский, ностальгический, который содержит сюжет «заочного», «внешнего» знакомства гимназиста В. Третьякова и Вяч. Иванова.

11 мая 1926 г. в Риге в Русском клубе состоялся вечер, посвященный памяти В. Соловьева, где среди прочих, с докладом о его поэзии выступил В. Третьяков; утром этого же дня в «Сегодня» была помещена его публикация «Когда-то в Санкт-Петербурге. (К вечеру Владимира Соловьева)», содержащая более развернутый эпизод встречи с «соловьевцами». Имена поэтов-символистов соединены в памяти рижского мемуариста аурой лирического послания Вячеслава Иванова к А. Блоку:

Пусть вновь — не друг, о мой любимый!
Но братом буду я тебе
На веки вечные в родимой
Народной мысли и судьбе.

Затем, что оба Соловьевым
Таинственно мы крещены;
Затем, что обручем новым
Сединою обручены¹⁵.

1926-й — юбилейный год Вяч. Иванова, когда на 60-летие поэта рижская пресса откликнулась публикацией «медальона» Игоря Северянина: «По кормчим звездам плыл суровый бриг / На поиски угаснувшей Эллады. / Во тьму вперял безжизненные взгляды / Сидевший у руля немой старик.» (Сегодня вечером. 1926. 2 июня (№ 119); и дружеской эпиграммой Lolo (Л. Г. Мунштейна) «Братья-писатели: Вячеслав Иванов»:

Среди Ивановых (их много)
Достиг парнасского чертога
Лишь он один, жрец музы строгой,
Глубокий мистик, символист.
Вокруг — советская клоака
И улюлюканье, и свист —
Он светел в этом царстве мрака,
Старик, но сердцем юн и чист.
(Сегодня. 1926. 29 дек. (№ 294)).

В мемуаре В. Третьякова юбилейного пафоса нет, но важно осознание миссии последнего оставшегося в живых поэта великой эпохи русской культуры. Примечательно, что имя Вяч. Иванова названо первым среди поэтов Соловьевского вечера:

«Сегодня состоится в Русском клубе вечер незабвенной памяти В. Соловьева.

И вспоминается другой вечер, ему же посвященный, устроенный Литературным фондом.

И было это в дни моей¹⁶, нашей гимназической юности, в дни свежих восторгов и трепетов, когда еще ни Петрограда, ни Ленинграда не существовало, а был Санкт-Петербург, пышно строгий, державный, тонко-аристократичный.

Был вечерний, сверкающий и стройный Невский и помощник градоначальника камергер Лысогорский, разрешивший печатать программу памятного мне вечера.

Сейчас она лежит передо мной, и мне стоит только закрыть рукой глаза, чтобы все снова ожило.

Декабрьский вечер, магический, петербургский. Милый зал Тенишевского училища на Моховой по соседству с домом, где живу.

Сперва волнение, а вдруг нет билетов. Но билет куплен и вот начинается иное настроение: нетерпение и радость предвкушения.

Шутка ли увидеть живых поэтов, которых боготворишь, чьими стихами зачитываешься, на чьи книги расходуешь свои тощие карманные суммы. Увидеть Вячеслава Иванова, Блока, Поликсену Соловьеву (Аллегро). Прослушать вступительное слово Ф. Д. Батюшкова и воспоминания о Владимире Соловьеве Н. А. Котляревского.

И вот желанное сбылось. Переполненный амфитеатр из скамей затихает: из двери напротив выходит Батюшков.

Вот он начинает читать по рукописи ровным спокойным голосом.

Потом Вячеслав Иванов – высокий, чуть согбенный, осиянный пышным руном волос.

Во время антракта к нему почтительно подходит молодой поэт, а он, орлиноносый и высоколобый, с глубоко запавшими глазами беседует с ним, воистину благосклонно, ибо ему, высокому, приходится наклоняться к нему.

Лицо пророка или мудрого жреца. Он – учитель молодых высоко авторитетный.

Гомонит публика в антракте, та хорошая публика, которая теперь Бог весть куда затерялась: совсем иные лица, на них легко ощутимая печать культурности, умственных интересов. <...>

Внизу у сцены ходят, стоят, разговаривают писатели, ученые. Любопытно осматривает их публика, ведь многих из них знает не только она, но и вся Россия.

После антракта читает сестра философа-поэта. П. Соловьева – талантливая поэтесса. Ее доклад, более простой и по-женски задушевный, всем нравится.

Наконец, Блок, затянутый в черный сюртук, такой же, как Иванов, высоколобый, матовым голосом читает...

Я открываю глаза, и внезапная мысль рассекает сознание: мысль, что из докладчиков далекого, точно приснившегося мне вечера, все, за исключением одного, уже ушли в иную жизнь. Нет Батюшкова, Блока, П. Соловьевой, нет академика Котляревского.

Жив лишь Вячеслав Иванов, пошли ему Бог еще долгих-долгих дней для исследования духовных глубин.

И вот потому сегодня для пишущего эти строки вечер памяти русского философа-человеколюбца будет невольным поминовением и тех, кто когда-то его поминал и кто, по выражению Катулла, «ушел навсегда в мрачную страну Орка».

Мы же, пережившие их, озираем с сокрушением растроченные в безумные годы ценности ума и сердца»¹⁷.

Через одиннадцать лет в жанре послания, столь распространенном в символистском кругу, рижский поэт, избрав форму итальянского сонета с явной акцентировкой на парафрастическую модель, на сознательную повторяемость и зависимость от ивановского пратекста, посвятит «последнему символисту» глубоко личное стихотворение, которое затем никогда не будет публиковаться:

Вячеславу Иванову

Сквозь хаос и печаль сегодняшнего мира,
Забывая в дыму жестоких лет,
Когда потребны шпага и колет,
Поет опять торжественная лира.

Пусть блещет грозно молний пересвет,
Душа унылая не так уж сира:
Ей внятен строй невидимого клира,
Которого, казалось, больше нет;

И сладостней отныне слово “Roma” –
Оттуда строфы снова донеслись,
О, как звучат далеко и знакомо!

Зарей вечерней золотится вьсь...
Чиста ты, осияна и нетленна,
О, лира старца. Будь благословенна!

Ливонск. Швейцария.

22 июня 1937

(Зегевольд, Сигулда)

Сонет датирован накануне Лиго, мотивы которого будут продолжены в стихотворной подборке «Из Латвийской сюиты». Третьякову важно было представить «страну дубов и елей» в символике народного празднования:

Луг цветами золотится,
Лиго!
Яну сон веселый снится,
Лиго!
Девы легкою толпою,
Лиго!
Ходят с песней над рекою,
Лиго!
Смотрят запад красноватый,
Лиго!
Урожай придет богатый,
Лиго!

Место создания сонета «Вячеславу Иванову» В. Третьяков дает не случайно, указывая старое и новое название местности, ставшей своеобразным литературным урочищем в эпоху символизма: место гибели и могилы молодого талантливого поэта Ивана Коневского, воспетого в русской и латышской поэзии первых двух десятилетий XX века.

В конце 1930-х гг. Вяч. Иванов для В. Третьякова – имя-символ, память о культурном Ренессансе начала века и о трагической судьбе русской культуры в рассеянии, о заветах творческой юности и о незыблемом идеале высокого искусства.

¹ 25 сентября 2000 г. к автору настоящей статьи пришло письмо от известной «пушдомской» архивистки Ларисы Николаевны Ивановой (1948–2006), которая в 1998–2001 гг. разбирала и описывала архив Вячеслава Ивановича Иванова в Риме. Помимо поздравления с днем ангела (Лариса Николаевна обладала дивной способностью запоминать именины, дни рождения, семейные и дружеские даты и мило поздравлять своих корреспондентов), в письме содержалась следующая информация: «В РАИ (Римский архив Вячеслава Иванова) хранится его <В. Третьякова – Л. С.> письмо к ВИ <Вячеславу Иванову – Л. С.> из Риги, от 22. V. – 2. VII. 1937, в котором он рассказывает немного о себе, шлет сборник стихов 1930 г. <...>; в тексте письма и в приложении к нему стихи «Вячеславу Иванову», «Прохожий», «Счастье», «Изборск», «Из Латвийской сюиты» (1930-ые годы). Всего: 4 л. (1 конв.)». При подготовке этой публикации нельзя было не вспомнить фрагменты частых, но коротких встреч на конференциях, в Рукописном отделе ИРЛИ, на международных Ивановских симпозиумах с той, чьим трудом подпитывалась история русской литературы, чьей компетенцией расшифровался текст и атрибутировался автор, чьим талантом и подвижничеством получал витальную силу факт, и которая в прошлом году должна была встретить свое 60-летие...

² На конверте с письмом и текстами В. Третьякова рукой Л. Н. Ивановой сделано примечание: «В библиотеке Иванова находятся две книги, полученные от В. В. Третьякова (первая – с дарственной надписью 26.6.1937: а) Третьяков В. Солнцерай: Стихи. Берлин: Петрополис, 1930; б) Латышские поэты в переводе Виктора Третьякова. [Рига], 1931. (С приложенным письмом на имя Т. С. Варшер с просьбой о передаче книги В. И. Иванову, 30. X. 1937)».

Варшер Татьяна Сергеевна (1880–1960) – искусствовед, летом 1921 г. возвратившаяся из Петрограда в Ригу, где в 1908–1913 гг. учительствовала. Став сотрудником газеты «Сегодня», в том же году уехала в Италию, занявшись научной работой, тем не менее, не прерывала сотрудничества с рижской газетой. Была знакома с В. Третьяковым еще по Петрограду.

³ В. Третьяков прочел «Римские сонеты» по публикации в «Современных записках», 1936, № 62.

⁴ Московский журнал «Художественное слово», где в первом номере за 1920 г. был опубликован цикл Вячеслава Иванова «Зимние сонеты».

⁵ Третьяков, Виктор. Солнцерай. Берлин: Петрополис, 1930.

⁶ В юности В. Третьяков публиковал свои стихи в газете «Киевская мысль», в киевском сборнике «Гермес». О киевском периоде его жизни см.: Абызов, Юрий. От петроградских акмеистов к латышским поэтам // Даугава. Рига. 1992. № 1. С. 82–84.

⁷ В «Записных книжках» А. Блока от 19 и 22 июня 1920 г. имеются соответственно лаконичные записи: «Вечером Н. А. Павлович, Е. Ф. Книпович, Виктор Третьяков», и «Гумилеву о Н. А. Павлович (профессиональный союз) и Третьякове (переводы, стихи)». (Блок, Александр. Записные книжки, 1901–1920. М.: Худож. лит., 1965. С. 495). Ходатайствуя о приеме В. Третьякова в Петроградский Союз поэтов, Блок оставил о его стихах следующую записку: «Стихи В. Третьякова не хуже многих присылаемых, хотя несколько вялы и раздражительны. По-моему, можно бы принять его в Союз. Этот вопрос надо решить скорее, потому что ему грозит воинская повинность, и если мы его не примем, могли бы что-нибудь сделать для него». (Блок и Союз поэтов. / предисл. и публ. М. В. Рождественской; коммент. Р. Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1987. Кн. IV. С. 687. Там же содержится запись Н. Гумилева: «Членом-соревнователем принять можно»). Отзыв М. Кузмина приводится в рецензии А. Перфильева на вторую книгу стихов В. Третьякова «Берег дальний»: «В лице Виктора Васильевича Третьякова мы имеем настоящего поэта, понимающего серьезные задачи поэзии. Нахожу в его стиха черты своеобразия». (Для Вас. 1940. № 23 (2 июня)).

⁸ Отклик Вячеслава Иванова на посылку книг, стихов и письма В. Третьякова неизвестен.

⁹ Приношу глубокую благодарность Светлане Константиновне Кульюс за предоставленные копии письма и стихов В. Третьякова.

¹⁰ Третьяков В. Петроградские письма // Театр и жизнь. Рига, 1920. № 3. С. 7.

¹¹ Через 10 лет Николай Оцуп с достаточной долей благосклонности отрецензирует сборник стихов В. Третьякова, вспомнит Петроград 1920 г., Третьякова-поэта и переводчика, к которому, как к подающему надежды художнику и литератору, благосклонно относились и метры, и молодые студийцы. (Числа. Париж. 1931. № 4. С. 266).

¹² Стерсте, Эльза. «Солнцерай» – книга Виктора Третьякова // Новый голос. Рига, 1931. 13 янв., вторник (№ 9 (45)). С. 3.

¹³ Не только в Латвии (см. рецензию П. Пильского в «Сегодня», 1931, № 52), но и в русском Париже книга «Латышские поэты в переводах Виктора Третьякова» (Рига, 1931) не прошла незамеченной. Н. <Николай Оцуп?> отметил: «В. Третьяков проделал трудную и полезную работу, перевода хорошими стихами на русский язык целый ряд латышских поэтов последних десятилетий, начиная с девяностых годов. <...> Книга Третьякова приятно удивит многих русских читателей, не знающих, как много интересного и ценного в латышской литературе и даже в такой трудной и высокой области, какой у всех народов является лирика». (Числа. 1934. № 7–8. С. 274–275).

¹⁴ Блок и литераторы / публ. и коммент. Р. Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1987. Кн. IV. С. 554.

¹⁵ Иванов, Вячеслав. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб., 1995. Кн. 1. С. 427.

¹⁶ Биографические сведения из этого мемуарного источника заставляют усомниться в правильности даты рождения В. В. Третьякова, которая приводится в написанном им «Жизнеописании» и в личном деле при зачислении его в феврале 1945 г. на должность доцента в Латвийский университет: «Родился в киевской губ. 17 дек. 1888 г. в семье государственного служащего. Образование получил сперва в киевской Александровской гимназии, потом в киевском и ленинградском университетах по историко-филологическому факультету и Академии художеств по классу проф. Петрова-Водкина. С 1922 года работает в Риге как художник-руководитель своей студии живописи и рисования и как лектор по истории искусства и литературы в частных высших школах. В течении почти 20 лет выпустил из своей Студии около 100 учеников-художников, теперь преподающих в школах (...) и участвовавших на художественных выставках. Имеет несколько книг стихов, оригинальных и переведенных, а также статьи-исследования по вопросам искусства и литературы. Причем,

около 50 публичных лекций по искусству. Написал ряд картин, преимущественно портретов и пейзажей, имевших успех на выставках». «Жизнеописание В. В. Третьякова» включает «Перечень трудов литературных и научных» и список «Картин, бывших на выставках». Приношу глубокую признательность А. Т. Ракитянскому за предоставление архивных документов В. В. Третьякова.

¹⁷ Сегодня. 1926. № 103. С. 7.

ИНФОРМАЦИОННО-
КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
«РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ»

Берега

Информационно-аналитический
сборник о русском зарубежье

2009

ВЫПУСК 11-12
Санкт-Петербург